

Ю. А. ИЗУМРУДОВ

Горький и Клычков*

Вопрос о взаимоотношениях Максима Горького и новокрестьянских писателей приобретает ныне повышенный интерес. Настоящая статья — попытка осмыслить жизненные и творческие связи Горького и Сергея Клычкова, чье имя в плеяде поэтов-«новокрестьян» одно из наименее известных современному читателю¹.

Личное знакомство Сергея Антоновича Клычкова и Алексея Максимовича Горького состоялось в 1908 г. в Италии. Ему предшествовала довольно романтическая история, случившаяся с первым; она заслуживает быть отмеченной в нашем повествовании. <...> Учась в московской гимназии, Клычков страстно влюбился. Однако избранница его не ответила ему взаимностью и в 1908 г. вышла замуж за другого, человека богатого и с положением. Отчего будущий поэт, как явствует из автобиографии, «вздумал... было наложить на себя руки»². Но случай счастливо изменил его судьбу. Бродя в одну из ночей по московским улицам, он поведал о своем горе случайному знакомому. Им оказался Модест Ильич Чайковский. Страстная исповедь глубоко тронула известного либреттиста и драматурга. Он заинтересовался молодым человеком, который к тому же грезил о поэтической известности, и, решив помочь ему, взял с собой в заграничную поездку в Италию. Здесь-то, на Капри, и познакомился Клычков с Горьким. Мы не располагаем сведениями о пребывании там Клычкова и его беседах с Горьким, но не подлежит сомнению — встреча эта для начинающего поэта значила очень много, каприйские впечатления на всю жизнь остались одними из самых ярких. Об этом свидетельствует

* Впервые: Русская литература. 1993. № 2. С. 42–63.

¹ ИМЛИ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 18.

² Клычков С. А. Чертухинский балакирь. М., 1988. С. 6.

автограф на хранящемся в архиве Горького титульном листе романа «Сахарный немец»: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову в знак давнишней, каприйской любви и почтительного уважения к Максиму Горькому. С. Клычков»³.

Капри в те годы был для многих желанным местом паломничества. И всем, а особенно приехавшим из России, Алексей Максимович был рад, беседы с каждым были обоюдopoлезными. И потому следующее свидетельство жены Горького М. Ф. Андреевой мы вполне относим к Клычкову: «...наезжало (на Капри. — Ю. И.) много народу — родные, друзья, просто знакомые, совершенно незнакомые почитатели его таланта, люди, взыскующие правды и добывающиеся ответа на вопрос, как им жить... А. М. жадно всматривался в каждого, искал то, что нужно было знать ему, писателю»⁴.

Не подлежит сомнению, что Клычков читал тогда Горькому свои первые поэтические опыты. Видимо, те, что появились вскоре в его первом сборнике «Песни» (1911). В них — сказочный мир старых деревенских поверий, легенд, мифологические персонажи. В них — любовь к деревне, благоговение пред ней. Какова могла быть оценка Горького? Наверное, не более как сдержанная. Потому что уже вскоре в ряде писем он выскажется предельно ясно и однозначно неодобрительно.

По возвращении из Италии Клычков некоторое время учится на историко-филологическом факультете Московского университета, затем оставляет его и уезжает на родину, в деревню Дубровки. Занимается здесь крестьянским трудом, пишет стихи. В дальнейшем при содействии М. И. Чайковского издает свои первые сборники — «Песни» и «Потаенный сад» (1913), тепло отмеченные критикой. Клюев назвал эти стихотворения «хрустальными песнями». Брюсов заметил, что они «не банальны; выбрав темы народно-русские, г. Клычков ищет для них и подходящего склада, иногда успешно находя в ритмических строках напевность, соответствующую народному стиху»⁵. Вести о литературном успехе Клычкова вскоре доходят и до Горького. Начинаящий поэт Д. Семеновский так пишет ему о «Потаенном саде»: «...какая красота! По-моему, Клычков — первый и самый интересный из современных русских стихотворцев»⁶.

³ Автограф не датирован. Однако установлено, что относится он к началу 1925 г., когда в короткое время Клычковым были посланы Горькому два экземпляра своего только что вышедшего романа «Сахарный немец».

⁴ Максим Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 273.

⁵ Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 362.

⁶ Цит. по: Солнцева Н. М. Гость чудесный // Москва. 1988. № 2. С. 199.

В ответном письме Горький, хоть и признает поначалу, что Клычков не без таланта, высказывает — и довольно резко — свое несогласие с адресатом: «А вот что Вам нравятся стихи Клычкова, Клюева и подобных им, — людей весьма даровитых, но мало серьезных и еще *не поэтов*, — это плохо, простите меня! Очень плохо. Вы еще молоды, но у Вас есть кое-что свое, что Вы и должны беречь, развивать, говорить же, что *“я решил быть поэтом прекрасной дали, грядущего эдема, града невидимого и влюблен сейчас в слово «рай»*” — все это Вам не нужно. Все это — дрянь, модная ветошь, утрированный лубок и даже языкоблудие. Каким Вы будете поэтом, это неизвестно ни Вам, никому, но если Вы пойдете за Клычковыми, — Вы не будете поэтом. Чтоб понять, что такое Клычковы, какие они еще мальчики, сравните их стихи со стихами хотя бы Бунина, взяв его последнюю книгу “Иоанн Рыдалец”; посмотрите, какая строгость, серьезность, какая экономия слова и любовь к нему. Вообще же учиться нужно по Пушкину, а от того, кто скажет Вам, что Пушкин устарел, — идите прочь! <...> ...Нужно стремиться быть именно хорошим, серьезным поэтом, а для сего необходимо выкинуть вон из головы всю современную бутафорию и театральщину, все эти “дали”, “эдемы”, “фиалы”, дохлых “Прекрасных дам” и прочую дребедень. И чем скорее это будет сделано, тем лучше для того, кто это сделает... Пишите просто, искренно о своей душе и от своей души, никому не поддакивая, никого не слушая — ни меня, ни Клычковых, никого...»⁷.

Как видим, лирика Клычкова ассоциировалась для Горького прежде всего с худшими проявлениями современной поэзии, которые он определял как «утрированный лубок», «бутафорию», «театральщину» и т.п. Основания для этого у него, наверное, были. Ведь и Н. Гумилев довольно серьезно раскритиковал стихотворения из сборника «Песни», назвав их «сладкой водицей»⁸.

Да, в ранней лирике Клычкова были недостатки, и местами весьма серьезные, но было в ней и нечто такое, что их полностью искупало: очевидная искренность, глубинная любовь к народному характеру, жажда целостности личности, гармонии души и мира — мотивы, которые станут отличительной чертой всей новокрестьянской лирики. Остается сожалеть, что Горький этого не заметил или не придал особого значения. В поэтическом искусстве он более всего ценил ясность и лаконичность мысли, законченность образов, реалистичность настроения. И вот как раз этим-то критериям, по его мнению, и не отвечали стихи Клычкова. <...>

⁷ Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 315–316.

⁸ Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 119.

В середине 1920-х гг. Клычков, к этому времени уже известный поэт, автор нескольких сборников, начинает работать над прозаическими произведениями. У него возник грандиозный замысел: создать целую серию романов — девятикнижие под общим названием «Живот и смерть» — о жизни российской деревни, начиная с крепостного права и кончая революцией.

Дебют Клычкова-прозаика заинтересовал многих литераторов, в т.ч. и Горького, что нашло отражение, в частности, в переписке последнего (до этого имя новокрестьянского поэта в течение длительного времени — более десяти лет — вовсе не упоминалось в письмах Горького, — и это в общем-то характерный показатель того, что Клычков-лирик мало волновал Горького, несмотря на то что у создателя «Потаенного сада» в дальнейшем выходили и иные книги стихов, неизмеримо более зрелые и содержательные).

В начале 1925 г. Горькому, находящемуся в Сорренто, становится известно, что вышел в свет первый клычковский роман «Сахарный немец», и он спрашивается у писателя П. Низового, не пришлет ли автор ему свою книгу. И Клычков, узнав об этом, сразу же пишет Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! На днях по приезде из деревни я встретил Павла Низового и он сообщил мне Ваше желание познакомиться с моей книжонкой... Значит, Вы не получили моего Сахарного Немца — а я его выслал Вам чуть ли не пробным экземпляром, потому что чье-чье, а Ваше мнение мне драгоценнее всего, ибо люблю Вас и верю главное в Вашу искренность, почему-то очень верю, что Вы никак не соврете, а мне надо прежде всего правду, потом уже следует так называемая приятность в обхождении... <...> буду ждать от Вас самого беспощадного и откровенного мнения: верьте, что меня не прошибешь, живу по-прежнему бирюком и обеими руками держусь за то маленькое, но свое, что не променяю ни на что большое, но чужое...»⁹.

Горький прочел роман очень быстро, и уже 31 марта послал автору подробный разбор его: «...я получил Вашу книгу и первый раз и второй, сегодня. Не отвечал же Вам, потому что не знал адреса. Прочитал “Сах. Немца” с великим интересом. Большая затея, и начали Вы ее — удачно. Первые главы — волнуют; сказка Пенкина “Ахламон” — безукоризненно сделана. Всюду встречаешь отлично сделанные фразы, меткие, пахучие слова, везде звонкий, веселый и целомудренно чистый великорусский язык. Злоупотребление “местными речениями” — умеренное, что является тоже заслугой в наши дни эпидемического помешательства и некрасивого щегольства “фольклором”. Но — уж Вы меня извините! — книга, в общем, показалась мне сырой и несколько

⁹ Лит. обозрение. 1987. № 5. С. 110.

тяжелой. Она — многословна, растянута. Возможно, разумеется, что я ошибаюсь. Не понравилось мне и то, что едва ли не половину книги Вы написали гекзаметром или чем-то вроде его. Это напомнило мне “Устой” Н. Н. Златоврацкого, роман, где покойник написал целую главу — косьбу сена — гекзаметром. Напомнило “Поппиаду” Радимова и его “Деревню”. Радимов — это, иногда, хорошо. “Поппиада” его, во всяком случае, исключительно интересная вещь. Но Вы, на мой взгляд, в пафосе Вашем ближе к Златоврацкому, а сие — образец подражания не заслуживает. Извините за слово “подражание”, речь идет, конечно, о сходстве — и только. Сходство это для Вашей книги не выгодно. Нередко ритмическая проза Ваша заставляет Вас допускать неточности: “...вальком по рубахам колотит, а сама, то и дело, под юбку глядит”. Надо ли беременной женщине глядеть под юбку себе? Глядит она на брюхо, этого достаточно. Таких “описок” можно найти у Вас немало. В общем, повторяю, книга показалась мне тяжелой и сырой. Но размер, широта Вашего плана — подкупает. <...>¹⁰.

Как видно, отзыв в целом одобрителен. Достоинства романа Горький подчеркнул очень точно, особо отметив «чистый великорусский язык». И, что особенно важно, увидел в книге проявление творческой, внутренней свободы автора, поставил его в один ряд с художниками честными и бескомпромиссными. <...>

К числу же недостатков романа Горький отнес излишнюю, по его мнению, ритмизацию повествования, усмотрев в этом параллели с творчеством народника Н. Н. Златовратского, писательскую манеру которого считал слащавой. Несколько позднее горьковская критика конкретизируется, приобретает ясную идеологическую окраску, в данном же письме сказалось по преимуществу первое, чисто эмоциональное впечатление от романа.

В письмах к экономисту и писателю Д. А. Лутохину Горький отдает должное литературному мастерству автора «Сахарного немца». Так, в первом из них, от 8 мая 1925 г., он советует адресату использовать для диспута о современной литературе и роман Клычкова, наряду с произведениями К. Федина, М. Зоценко, М. Булгакова, Л. Леонова. По его мнению, «все это говорит о здоровом росте русской литературы». <...> А в письме от 30 декабря 1925 г. он аргументировал значимость книги Клычкова тем, что она в ряду прочих свидетельствует «о конце старого»¹¹, о безвозвратно уходящем в прошлое старом укладе деревенской жизни. Однако в письме к В. Я. Шишкову (от 20 декабря 1925 г.), говоря о «Сахарном немце», он вновь упоминает Златовратского.

¹⁰ Архив А. М. Горького. ПГ-рл-18-75-1.

¹¹ Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 401.

Для более ясного понимания позиции Горького по отношению к роману Клычкова особенно важны два его письма Н. И. Бухарину (от 23 июня и 13 июля 1925 г.), впервые опубликованные в 1989 г. Они столь характерны и многоговорящи, что считаем целесообразным привести здесь довольно обширные выдержки из них:

«Нет, дорогой Николай Иванович, я не боюсь, что “мужик съест”. Однако же когда представишь себе всю огромность всемирной русско-китайско-индусской деревни, а впереди ее небольшого, хотя и нашедшего Архимедову точку опоры, русского коммуниста, то, всматриваясь в соотношение сил, испытываешь некоторую тревогу. Деревня, ведь, тоже, в некотором роде “церковь”, а люди весьма охотно веруют во что-нибудь спокойненькое и уютное. Спокойненькие верования осаливают человекoв, — глагол “осаливать” я произвожу не от соли, а от сала. И когда я вижу, что о деревне пишут — снова! — дифирамбы гекзаметром, создают во славу ее “поэмы” в стиле Златоврацкого — это меня не восхищает. Мне гораздо более по душе и по разуму соло-ненькие рассказы о деревне старого знакомого моего Пантелеймона Романова. <...> Тема противоречия психологии “деревня — город” неизбежна и естественна, как нельзя более. У нас будут две линии литературы: мужицкая и рабочая. Они, эти линии, уже намечены»¹².

«Резолюция ЦК “О политике партии в области художественной литературы” — превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно подтолкнет вперед наше словесное искусство. Молодежь осмелеет в своем отрицании старого быта, получит возможность отметить беспощадно его ядовитую пыль и грязь в “комчванстве” и с большей энергией начнет искать и создавать “героя” — человека, в совершенстве воплощающего в себе инстинкты и дух массы, влекомой историей к жизни по истине новой. ...Очень хорошо, что “Прожектор” будет издавать книжки и в их числе издает рассказы Романова о деревне. Это — весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментализму народничества, столь ярко выраженному в “Сахарном немце” поэта Клычкова и в гекзаметрах Радимова “Деревня”. Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый, трогательный плач

¹² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 181–182.

Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима. ...Нам дано добить старое, но у нас нет сил для изображения нового в том грандиозном объеме, как его выдвигает жизнь. А потому и своевременно и мудро приласкать несколько — молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК. Город и деревня должны встать и [ближе] — лоб в лоб. Писатель-рабочий обязан понять это»¹³.

Теперь ясно, какой же основной порок увидел Горький в «Сахарном немце». Это «возрождающийся сентиментализм народничества», «дифирамбы» деревне. Дифирамбы, вместо последовательного разоблачения ее старых, до конца реакционных основ, развенчания ее. Мужикопоклонники и деревнелюбы (а к таковым он относил и Клычкова), по его мысли, сводят на нет всю важную работу «небольшого русского коммуниста», оставшегося один на один с огромной русско-китайско-индусской деревней. Творчество Клычкова мыслится им в контексте крестьянской литературы — той, что противостоит писателям-рабочим, и противостоит конфликтно.

Отношение Горького к крестьянству и крестьянской литературе было достаточно сложным, противоречивым, включало в себя большой спектр проблем общественной жизни России предреволюционной и послереволюционной эпохи. Тема эта очень обширная, многогранная, и подробно рассматривать ее в данной работе не представляется возможным. Выделим лишь некоторые, наиболее характерные аспекты. Они важны как сами по себе, так и применительно к Клычкову.

Во-первых, «работе писателей-рабочих» конфликтно противостояла не вся крестьянская литература, а лишь часть ее, за «вычетом» творчества таких авторов, как С. Подъячев, И. Вольнов и некоторые другие, «которым были чужды сентиментализм и слащавость народопоклонников» и которые изображали деревню «во всей ее жути», возбуждая «ненависть к прошлому»¹⁴. Эта часть, по мысли Горького, была доминирующей в крестьянской литературе (потому-то в письмах Бухарину он полемически противопоставил всю крестьянскую литературу пролетарской) и, следовательно, представляла большую опасность. Вот почему он с тревогой и надеждой встречал каждую новую книгу о деревне, искренне радовался, если находил созвучие своим мыслям и представлениям. Такое созвучие, к примеру, он нашел и в «солоненьких» рассказах П. Романова, отнюдь не являвшегося крестьянским писателем как таковым, и, конечно же, не преминул зачислить его в число авторов, оппозиционных неонародническому

¹³ Там же. № 1. С. 246–247.

¹⁴ Горький А. М. О литературе. М., 1955. С. 234, 237.

крылу, которое ассоциировалось для всех в это время прежде всего с именами Есенина, Клюева, Клычкова, Радимова.

«...Мне органически враждебно постоянное противодействие мужика неотразимым требованиям истории»¹⁵ — таким был горьковский тезис 1920-х гг., согласно которому он строил свою концепцию деревенской темы в литературе. Подобный взгляд сформировался у него в результате мучительных раздумий о судьбах крестьянства в дореволюционные и революционные годы. Если в повести «Лето» (1909) Горький показал деревню, разбуженную революцией, стремящуюся к новой, справедливой жизни, и провозгласил веру в грядущее будущее крестьянского народа, то в книгах «Несвоевременные мысли» (1918) и «О русском крестьянстве» (1922) деревня представлена лишь в плане «прошлого», как оплот темных реакционных сил, грозящих погубить немногочисленный пока еще пролетариат, а с ним и надежду на то, что цели, поставленные революцией, будут достигнуты. Ожидание и предощущение грандиозного всеобщего праздника («С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!»¹⁶) сменилось глубочайшим пессимизмом, тревогой, болью: «...главнейшей и наиболее неустранимой особенностью деревенского люда является свирепый собственнический индивидуализм, который неизбежно должен будет объявить жестокую войну социалистическим устремлениям рабочего класса. Парижскую коммуну зарезали крестьяне, — вот что нужно помнить рабочему»¹⁷. Но при всем этом, случалось, как бы ни были безграничны и тревога и боль, они в свою очередь сменялись невольно и иными чувствами — сомнениями в том, что все в действительности будет так безысходно, как представляется, сомнениями, проистекавшими от любви писателя и гражданина к своей родине, своему народу, сомнениями, показывавшими, что истина для него была все-таки дороже всяких теорий и догм, как бы выстраданы они ни были: «Мнение не есть суждение, и если мои мнения окажутся ошибочными, — это меня не огорчит»¹⁸.

Сомнения эти поддерживала сама постоянно менявшаяся жизнь. Поддерживало их и общение с писателями, столь ценными Горьким, — С. Подъячевым и И. Вольновым, которые в письмах к нему не только «разоблачали» деревню, но и защищали ее, указывали на здоровые начала в ней. Горький все чаще начинает замечать в книгах о кре-

¹⁵ Лит. наследство. 1963. Т. 70. С. 497.

¹⁶ Горький А. М. Лето // Горький А. М. Полн. собр. соч.: в 25 т. М., 1971. Т. 9. С. 513.

¹⁷ Горький А. М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 190.

¹⁸ Горький А. М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 5.

стьянстве, помимо фактов, говорящих о живучести, мощи старого, реакционного в деревне, и факты иные — об ослаблении этого старого. В конце 1920-х он уже пишет о появлении «нового человека», «который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну необоримую творческую силу, — слиться так плотно, как до сей поры силы эти никогда и нигде не сливались», который «хорошо понял необходимость и неизбежность “смычки” (города и деревни. — Ю. Я.), хорошо видит процесс ее и прекрасно чувствует чудеса будних дней»¹⁹.

В этой «смычке», иными словами коллективизации, Горький видел залог будущего, считал крайне важным осуществление ее «в кратчайшие сроки» и в то же время полагал все это «безумнейшей задачей»²⁰, т. к. «зоологическая» стихия деревни представлялась ему неуправляемой, непредсказуемой. Но, с тем большим упорством призывая на борьбу с этой самой стихией, Горький, однако, не мог не замечать, что стихия эта рождает и вдохновляет немало талантов, мастеров слова, с которыми мало кто мог сравниться в способности «выражения... любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком»²¹.

Все эти вышеперечисленные аспекты в своей совокупности и определяли отношение Горького к новокрестьянским писателям. Оно никогда не было однозначным. И понимание этого особенно важно при анализе упоминаемых выше писем Бухарину.

Горьковские письма Бухарину, как явствует из процитированных фрагментов, весьма обстоятельны, конкретны, аргументированы. Они дают обильную пищу для размышлений. И естественно, не могут не побуждать к тем или иным выводам. Но, думается, все-таки не к таким, к каким пришел литературовед С. И. Субботин в статье, опубликованной в журнале «Новый мир». Он считает, что мысли и пожелания Горького явились для Бухарина чуть ли не основанием для развязывания идеологической войны против крестьянских писателей, что его «Злые заметки» (1927) написаны, «без сомнения... вполне в духе горьковских пожеланий их автору»²². Заметим: «без сомнения». А мы как раз со-

¹⁹ Горький А. М. О литературе. С. 270–271.

²⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215.

²¹ Горький А. М. О литературе. С. 253.

²² Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии / Публ. и сост. Н. В. Клычковой; вст. ст., подгот. текстов и примеч. С. И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 194–195. Аналогичную мысль Субботин высказывает и в статье «Чистый голос» (Лит. газ. 1989. 28 июня. № 30. С. 6). Несколько иное, свободное от подобной категоричности суждение содержится в статье Н. Примочкиной «Трагическая ошибка Горького» (Молодая гвардия. 1991. № 3. С. 258–268),

мневаемся. Право же, можно ли сравнивать цитируемые письма, сам их стиль, тон, с бухаринскими заметками? Они — вот уж поистине верно название! — действительно злые, а в злобе человек более всего далек от истины. Совершенно справедливо мнение Ю. А. Прокушева, что «Злые заметки» — «бессовестный пасквиль на поэта и человека», написаны они «бездумно-оголтело, безнравственно»²³, что их «и сегодня, спустя шесть десятилетий после публикации в “Правде”, читать горько и оскорбительно...»²⁴ Это мнение сегодняшнего дня, но и в то время находились люди (и их, надо сказать, в общем-то было немало), которые считали точно так же. К примеру, М. Пришвин. И символично, что именно в письме к Горькому он поделился своим негодованием по поводу бухаринской статьи, охарактеризовав ее как «хулиганскую», причинившую ему «горечь и возмущение и унижение»²⁵.

«Злые заметки» не только вторично убивали Есенина, но и, если можно так выразиться, «перекрывали кислород» всем поэтам его направления, в т. ч. и Клычкову. О такой ли «критике» писал Бухарину Горький?! Такой ли метод работы с писателями, особенно с начинающими, советовал ему?! Ведь он как никто другой знал силу печатного слова. Вспомним его более позднее открытое письмо поэту Павлу Васильеву: «...как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово, — то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а часто — хуже. Так было в случае с Панферовым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панферова зарычали, залаяли даже те люди, которые еще накануне хвалили его. Этих двоедушных, бес-

однако одно из ключевых ее положений не может не вызвать возражения. Так, справедливо полагая, что «разлад между Горьким — идеологом, политиком и Горьким — человеком, художником, разрыв между чувством и долгом, сердцем и разумом — частично объясняет его неоднозначно-противоречивое отношение к новокрестьянским поэтам, и в частности к Клычкову», Примочкина неожиданно резюмирует: «Столь разные оценки одного и того же произведения (“Сахарного немца”. — Ю. И.) в письмах Горького Клычкову и Бухарину свидетельствуют, на наш взгляд, о постепенном созревании в сознании писателя мысли о допустимости существования двойной морали — морали для “личного пользования” и морали официальной, публичной». И так, «неоднозначно-противоречивое отношение» идет от «двойной морали». Отсюда только шаг и до обвинения Горького в беспринципности. Неужели Примочкина, критикующая, кстати, в этой же своей работе писателя и публициста В. Бушина за якобы передержку фактов и предвзятость при интерпретации им смысла горьковских писем Бухарину в статье «Соблазн прокукарекает первым» (Лит. обозрение. 1990. № 8), не понимает, что сама допускает и передержку и предвзятость?

²³ Прокушев Ю. А. Знать, откуда что пошло // Лит. Россия. 1989. 8 янв. № 44. С. 8.

²⁴ Прокушев Ю. А. Дума о России. М., 1988. С. 622.

²⁵ Лит. наследство. Т. 70. С. 341.

принципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнусенькое лицемерие, изгонять из литературы...»²⁶ О бухаринской же статье отнюдь не скажешь, что это просто недружеское, неласковое слово. Что же? Сплошное издевательство и глумление, вдобавок имеющее четкую политическую подкладку. Как-никак редакторская статья «Правды»! То-то уж порезвилось сонмище двоедушных и беспринципных! Думал ли о них Бухарин? Смысл статьи, ее жестокость, безапелляционность суждений убеждают: да, наверное, думал.

Многозначительна и другая цитата из письма Горького к Бухарину (одного из тех двух, о которых выше шла речь): «Литературная молодежь восхищает меня. Отношение к ней “напостовцев” — дурацкое. Все эти Родовы, Лелевичи, Вардины прежде всего бездарны. Да, видимо, и малограмотны. Не следует затискивать начинающих писателей в угол, хотя бы и в марксистский»²⁷. Как видно, здесь уже называются вполне конкретные имена тех, к которым сполна применимо убийственное определение: «двоедушные и беспринципные». Это сторонники журнала «На посту» (1923–1925), нигилистически относившиеся к классической литературе и к непролетарским писателям-«попутчикам». Загонять начинающих в марксистский угол — их излюбленный метод работы с ними, а тех, кто упирается, не желает этого, придерживается своей позиции, они публично грязно бранят и щедро обвешивают всевозможными ярлыками. Одного из них «удостоился» и Клычков. А ведь это и к нему тоже, Клычкову, можно с полным правом отнести горьковские слова: «Литературная молодежь восхищает меня». Вспомним и письма к Лутохину.

Бесспорно: двойко относился к Клычкову Горький. Не без похвалы, но чаще все-таки критиковал, однако совсем по-иному, отнюдь не так, как это делал Бухарин, который в своих заметках унизился прямо-таки до начальственного разноса, призвал дать по есенинщине ни больше ни меньше как «хорошенький залп»²⁸, дабы разом покончить с ней. (А есенинщина это, понятно, не только Есенин. Это и Клычков тоже. По Бухарину, конечно.) Правда, могут возразить, однажды в одной из записок своему секретарю П. П. Крючкову Горький довольно резко высказался на счет Клыčkкова: «В письме ко мне Артемий Багратович (Халатов. — Ю. И.) правильно указал на Клыčkкова как на одного из людей, стоящих “по ту сторону баррикады”»²⁹. Действительно,

²⁶ Лит. газ. 1934. 12 июля.

²⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 23. С. 182.

²⁸ Бухарин Н. И. Злые заметки // Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 224.

²⁹ Архив А. М. Горького. Т. 14. С. 463.

выражение очень резкое и политически однозначное. Тут, конечно же, Горький был не прав. Они оба находились по одну сторону баррикады, делали одно очень большое и важное дело — создавали советскую литературу, — вот лишь исходные позиции их не всегда совпадали. Горький допустил резкость, но, отнюдь не стремясь подыскивать оправдания этому, заметим: мнение его было скорее частного характера, по форме лишь солидаризирующееся со словами Халатова. А далее в упомянутой записке Крючкову Горький еще раз формулирует свое отношение к «Сахарному немцу». Приводя полный текст положительной рецензии на роман из бюллетеня Гиза, где, в частности, утверждалось, что в книге «с большим лирическим напряжением показана гибель прочного мужицкого психического и бытового уклада», Горький высказывает свое несогласие с ней. И резюмирует: «“Большое лирическое напряжение”, с которым “показана гибель прочного мужицкого уклада”, — есть не что иное, как искреннее и не беззлобное сожаление о гибели “прочного уклада” жизни деревенского лавочника».

Роман Клычкова «Чертухинский балакирь» также приковал к себе пристальное внимание Горького. Последний был наслышан о нем задолго до появления в печати. «Клычков совсем расписался, — так, в частности, сообщал ему в августе 1925 г. А. К. Воронский, — у него готова вторая повесть “Чертухинский балакирь”, очень свежая и неплохая. Кажется, лучше “Сахарного немца”, который мне нравится»³⁰. В конце декабря 1925-го — начале января 1926 г. Горький знакомится с главой из романа — «Два брата», опубликованной в пятом номере Альманаха артели писателей «Круг» за 1925 г. И вот первая оценка, пока еще очень краткая, но знакомую, клычковскую, особенность уже подметившая: «...Клычков напоминает покойного Н. Н. Златоврацкого...»³¹ В это время в Москве готовится к выходу в свет первый за 1926 год номер журнала «Новый мир», где решено начать публикацию полного «Чертухинского балакиря». А вскоре экземпляр его отправляется почтой в Сорренто на строгий и беспристрастный суд. В сопроводительном письме главный редактор журнала В. П. Полонский сообщал: «Вы, вероятно, встречали в прошедшем году журнал с этим наименованием. К сожалению — он не был блестящ. По этой печальной причине мне предложили превратить его в издание, если не в первосортное, то во всяком случае в приличное. Задача интересная, журналов у нас немного, литература — растет, я согласился. Вышедшая книжка — первая, которую я проредактировал. Насколько она удачна — судить не мне. Но опасения мои за будущее журнала —

³⁰ Там же. Т. 10. Кн. 2. С. 23.

³¹ Там же.

основательны, и я взываю к Вам: Алексей Максимович, поддержите! Вы спросите: почему я раньше Вам не написал? Именно потому, что сначала хотел показать “реформированный” журнал: у старого была репутация незавидная. ...“Новый мир” имеет большие возможности сделаться массовым журналом»³².

Как видим, Полонский придавал большое значение возрождающемуся журналу. И, чтобы рассчитывать на успех его в читательском мире, пригласил к сотрудничеству молодых, перспективных литераторов. И символично, что в круг авторов первой книжки — а тут были и Есенин, и Вс. Иванов, и Б. Пильняк, и Маяковский, и П. Орешин, — вошел и Клычков. <...>

Горькому первая книжка журнала понравилась, показалась «весьма удачной», о чем он и известил Полонского. Правда, персонально о Клычкове, как, впрочем, и о других авторах, он не сказал ничего, ограничившись общим мнением и дав ряд советов, «чтоб молодежь писала и училась писать, а ее бы читали и учились читать»³³.

Публикация «Чертухинского балакиря» осуществлялась в «Новом мире» за 1926 г. вплоть до девятого номера (исключая лишь февральскую книжку). В этом же году в Госиздате вышло отдельное издание. Роман сразу вызвал большой читательский резонанс. И в начале ноября И. А. Груздев в письме к Горькому интересуется, получил ли он для чтения наряду с другими произведениями московских писателей книгу Клычкова. У Горького к тому времени экземпляр уже имелся, причем с дарственной надписью автора: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому на память. С. Клычков. 6-го окт. 1926 г. Москва». Он и поныне хранится в его личной библиотеке в музее-квартире А. М. Горького в Москве. Пометы, сделанные на его страницах, позволяют судить, из чего складывались горьковские оценки, как формировались, почему порой были противоречивы.

Горького не оставили равнодушным сочный, колоритный язык романа, афористическая манера письма, художническая смелость автора, о чем он и высказался некоторым из своих адресатов. Книга хорошая — таково в целом, к примеру, его мнение в письмах А. К. Воронскому и Ф. В. Гладкову. Находящемуся в эмиграции Д. А. Лутохину он даже высылает роман, настоятельно советуя прочесть. Своеобразно отношение к произведению в письме М. М. Пришвину от 17 октября 1926 г.: «Читали вы роман Клычкова “Чертухинский балакирь”? Вот — неожиданная книга! Это — 1926 год в коммунистическом и материалистическом государстве! А это неожиданнее — предисловие Лелевича!

³² Там же. С. 90.

³³ Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 91.

Да — “Крепок татарин — не изломится!
А и жиловат, собака, — не изорвется!”

Это я цитирую Илью Муромца в качестве комплимента упрямому россиянину»³⁴.

Действительно своеобразно. Чувствуется: далеко не все нравится ему в романе, не со всем он может согласиться, но мастерство автора, оригинальность его видения мира невольно вызывают уважение. А «комплимент упрямому россиянину»? Кому он конкретно? Конечно же, и автору, и чертухинцам — персонажам романа, действительным россиянам.

А с чем же все-таки не соглашался Горький? Раскроем авторский экземпляр. Вот какие цитаты отчеркнуты в нем: «...человек... в воздухе птиц переловит и все деревья заставит целовать себе ноги — подрежет пилой-верезгой. Тогда-то железный черт, который ждет этого и никак дожидаться не может, привертит человеку на место души какую-нибудь шестерню или гайку с машины, потому что черт в духовных делах — порядочный слесарь. С этой-то гайкой заместо души человек, сам того не замечая и ничуть не тужа, будет жить до скончания века!»; «Все в мире человека боится»; «Черт и человек... живут во уничтожение мира и жизни». Данные мысли принадлежат мифическому персонажу, лешему Антютику, в рассказе которого, однако же, ясно ощущается «сочувственная авторская интонация»³⁵. Здесь, как, впрочем, и в других фрагментах романа, Горького оттолкнет идея неприятия городской цивилизации, несущей, по Клычкову, гибель природе, естеству, духовности. <...>

Из процитированного выше письма Пришвину узнаем, что для Горького было неожиданным предисловие Лелевича. И неудивительно. Ведь Лелевич — один из самых воинствующих «напостовцев» — и вдруг предваряет книгу Клычкова. В предисловии немало теплых слов в адрес автора, и потому, может быть, в нашем литературоведении оно долгое время считалось «в целом одобрительным». В статье же «Доля» в журнале «Москва» (1989. № 9. С. 193) исследователь В. Морозов полагает, что это явная ошибка. И справедливо. Действительно, как понимать такое: «Роман написан безусловно весьма талантливо... Роман Клычкова есть не что иное, как художественное отражение борьбы, по выражению Ленина, “мелкособственнической (и мелко-патриархальной и мелко-буржуазной) стихии” против диктатуры пролетариата, против социалистического строительства, против электрификации, против “культурной революции”». Роман Клычкова талантлив и сви-

³⁴ Лит. наследство. Т. 70. С. 335.

³⁵ *Островская С. Д.* Рукой Горького. М., 1985. С. 79.

детельствует о значительном мастерстве, но ни талант, ни мастерство не могут спасти от фальши художника, если тот положил в основу произведения реакционную идею»³⁶. Роман талантлив, но направлен против социалистического строительства. Вряд ли подобное можно считать за одобрение. Такая «похвала» оказалась, наверное, как нельзя кстати все тем же двоедушным и беспринципным.

Предисловие, как и роман, Горький внимательно, с карандашом, прочитал. Помеченные фразы сходны по духу с выделенными им из романа (т.е. идут в унисон с его мыслями о просчетах книги). В частности: «...Клычков собрал всю нечистую силу, всех леших, чертей, домовых и русалок и двинулся во главе этой своеобразной рати против надвигающейся городской культуры и техники»³⁷.

Чрезвычайно интересна для исследователя переписка Горького с А. К. Воронским и Ф. В. Гладковым в октябре-ноябре 1926 г. В ней он конкретизирует свое отношение к «Чертухинскому балакирю», аргументирует свои доводы. Так получилось, что роман Клычкова оценивался здесь в сопоставлении с «Цементом» Гладкова. Позиции этих авторов Горький сравнил уже после выхода «Сахарного немца», отдав предпочтение «Цементу», увидев в нем «первую попытку поэтизации созидającego труда», хотя в то же время и нашел ее «достаточно корявой, неудобочитаемой в диалогах», «нехудожественной в принятом смысле слова»³⁸, что указывало на весьма существенные недостатки произведения. А. К. Воронский, которому он написал об этом, впоследствии выдержку из письма, касающуюся Гладкова, привел в своей статье «Лунные туманы», где положительно разобрался «Чертухинский балакирь». Гладков не согласился со статьей, полагая, кроме того, что в ней принижено значение его книги, повествующей о наиболее актуальном тогда — о рабочем классе, героике труда, да и горьковские слова показались не совсем справедливыми. Обо всем этом он написал Горькому, который в свою очередь подробно и обстоятельно ответил ему. О «Чертухинском балакире» же сказал, в частности, следующее: «Клычков написал книгу хорошую, но художественная ее значимость несколько преувеличена Воронским, а “философская” — недостаточно освещена. Клычков от “миллионных масс крестьянства”, а мои симпатии навсегда с “ничтожной кучкой” городского пролетариата и с интеллигенцией. Клычковская поэзия тоже “провинциализм”, но, разумеется, более оправданный именно тем, что это поэзия отмирающей многомиллионной России.

³⁶ Лелевич Г. Предисловие // Клычков С. Чертухинский балакирь. М.; Л., 1926.

³⁷ Цит. по: Островская С. Д. Рукой Горького. С. 80.

³⁸ Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 32.

Не скоро — во времени — и не быстро — в движении, а все-таки деревня должна будет идти по путям, пролагаемым “ничтожной кучкой”»³⁹.

Отсюда ясно: для Горького творчество Клычкова возникло не на пустом месте, не как единичное явление, но было художественным отражением чаяний и идеалов многомиллионной России, крестьянской России. В этом он видел его ценность, злободневную значимость, историческое «оправдание». Вместе с тем к этой России он добавлял определение «отмирающая». Здесь сказались недооценка Горьким крестьянства как класса, гиперболизация его темных реакционных сторон, суеверности, отсталости. В наметившемся в тогдашней политике противостоянии «деревня — город» свои симпатии он отдавал последнему, полагая, что тот ближе к истине или даже вообще обладает монополией на нее. Потому новокрестьянская идеология казалась ему ошибочной, а ее поэтов он называл кондовыми, инстинктивными, биологическими. Есенина, к примеру, — при всем уважении к нему, восхищении его потрясающей лирикой, — он, перефразируя сюжет известной басни, представил как глиняный горшок, который, столкнувшись с «железной посудой — городом»⁴⁰, разбился и должен был разбиться. Подобная обреченность мыслилась, видимо, Горьким и в отношении клычковских идеалов. Правда, порой, в силу их искренности и чистоты, он все-таки говорил, что «это не столько идеология, сколько “эмоциональный бунт”»⁴¹.

Претензии Горького к художественной стороне прозы Клычкова, о чем он пишет Гладкову, нам известны еще со времени выхода «Сахарного немца», а вот к философской требуют некоторого разъяснения. Буквально сразу после письма Гладкову Горький уже непосредственно самому Воронскому высказывает упрек в том, что тот «недостаточно “разоблачил”»⁴² «Чертухинского балакиря». А в чем же этот недостаток, растолковывает в письме к нему: «В “Лунных туманах” Вы очень хорошо говорите о дуализме как мироощущении по существу мизантропическом. Можно сказать, что вообще все идеалистические системы мышления — пессимистичны, это будет верно. Но гораздо важнее доказать, что лишь материализм и монизм могут служить источником пафоса, источником героического мироощущения, что лишь на этой почве человек возникает во всем своем величии, еще неясном

³⁹ Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29. С. 480.

⁴⁰ Там же. Т. 26. С. 91.

⁴¹ Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 43.

⁴² Там же. С. 42.

нам. Мы плохо видим самих себя...»⁴³. Идею дуализма, о чем здесь идет речь, в романе исповедует один из центральных персонажей — мельник Спиридон, создавший своеобразную мужицкую религию. Она оказывается несостоятельной. Альтернативным и истинным мировоззрением в романе представлен пантеизм, персонифицированный в языческом существе — лешем Анютике. Вот за «недостаточное разоблачение» всего этого, и именно с позиций материализма и монизма, Горький и критиковал «Лунные туманы». Однако, как считает Н. М. Солнцева (и в этом мы с ней солидарны), точки зрения как Воронского, так и Горького в данном случае одинаково уязвимы: они «необоснованно отождествили дуализм персонажа с идейной концепцией самого писателя»⁴⁴. Факт этот, думается, очевиден. Воронский, к примеру, так прямо и заявляет: «Сергей Клычков — дуалист. Человек по Клычкову — двуипостасная тварь», основывая свой вывод на теоретических построениях Спиридона Емельяныча, «мужицкого мудреца и провидца», устами которого будто бы то и дело излагаются авторские мысли. И, естественно, критикует: «...расщепление мира на две ипостаси, принципиально враждебные друг другу, есть миропонимание по сути своей пессимистическое и мизантропическое. Эту истину “Чертухинский балакирь” подтверждает не теоретически и отвлеченно, а наглядно, в художественной форме, путем эмоционального опыта художника»⁴⁵. Горький, по сути, не только поддержал этот тезис, но еще и попенял Воронскому за мягкость и половинчатость критики. Вместе с тем нельзя не предположить и того, что обоих рецензентов могли ввести в некоторое заблуждение довольно своеобразная манера письма романиста, его излюбленный прием повествования на грани вымысла и реальности (с неизменной оригинальной лукавинкой), приведшие в итоге к тому, что «голос автора, его позиция прозвучали в романе не в достаточной степени отчетливо. Автор как бы самоустранился, он говорит читателю: “...не отличишь были от небыли, правды от выдумки”»⁴⁶.

Все эти клычковские небыли и выдумки, пристрастие к чертям, лешим, русалкам, лунные грезы Воронский назовет «балакирством». И выразит пожелание, чтоб в дальнейшем творчестве писателя его было как можно меньше. Горький также не одобрил «балакирство», но был в этом более категоричен. Ему было важно высказать свое

⁴³ Там же. С. 43–44.

⁴⁴ Солнцева Н. М. Поэзия Сергея Клычкова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 11–12.

⁴⁵ Воронский А. К. Избр. статьи о литературе. М., 1982. С. 220, 224.

⁴⁶ Солнцева Н. М. «Еще мной не промолвлено слово...» // Подъем. 1987. № 4. С. 116.

мнение по поводу мировоззренческих особенностей «Чертухинского балакиря» не только потому, что сама книга как таковая его этим очень заинтересовала, но и потому еще — и это, наверное, главное, — что она оказалась весьма созвучной принципиальному философскому спору между ним, Горьким, и Воронским, начало которому положила статья последнего, опубликованная в апреле 1926 г. в газете «Правда» и журнале «Красная новь». Ответом на статью стало письмо Горького к ее автору (от 17.04.1926). Затем, через год с небольшим после их обмена мнениями о «Чертухинском балакире», в «Сибирских огнях» появляется новая публикация Воронского, «Вопросы художественного творчества», где повторены ряд положений статьи «О Горьком», и как реакция на нее открытое письмо Горького Воронскому, напечатанное под заглавием «О себе».

О чем же был спор? Каков же был подтекст за краткими суждениями Горького о материализме и идеализме при оценке «Чертухинского балакиря» и «Лунных туманов»? Цитируем «О себе»: «Вы (т.е. Воронский. — Ю. И.) говорите, что от моих взглядов “пряма я дорога к философскому и художественному солипсизму”. Думаю, что у меня нет и не может быть причин бояться этого “уклона”. Я — антропофил и геофил: для меня прежде всего существует человек и земля, на которой, работая, он создает для себя “вторую природу”. Идеализм для меня неприемлем не только потому, что мой “идеал” — человек, творец всех идей, всех чудес, и что я убежден в неограниченности развития способностей человека — идеалистические системы философии органически чужды мне, потому что они, в сущности своей, глубоко пессимистичны в отношении к человеку, рисуют мир как среду, навсегда враждебную ему, а враждебность эту — неодолимой силами человека, тоже навсегда. Вы знаете, что пессимизм основан не на познании мира, а на страхе человека, отколовшегося от мира...»⁴⁷.

Заметим в скобках: конечно же, Горькому не угрожал «уклон» в сторону солипсизма. Да, он провозгласил примат человека (говоря философским языком — мыслящего существа), но человека не самого по себе, а в органичном единстве с миром вокруг — реальным, прочным, вечным. Опасения Воронского в данном случае были напрасными. Все это совершенно бесспорно, и комментарии тут просто излишни. Сосредоточим внимание на несколько иных вопросах.

Итак, с идеализмом Горький связывал и беспомощность человека, его забитость, суеверность, неспособность противостоять враждебным силам, покорность судьбе, страх перед ней. Все это — как основополагающую тенденцию — он и увидел в «Чертухинском балакире»

⁴⁷ Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 63.

и искренно огорчился. Иных книг ждал он от современных писателей: где бы человек бросал вызов враждебным силам и побеждал, где бы не обстоятельства управляли человеком, а человек обстоятельствами. Где бы не было никаких мистических «потусторонних» видений, поисков «сверхъестественного», ибо, по Горькому, единственно возможное «сверхъестественное», единственное и самое главное Чудо «здесь, на земле... это — сам человек...»⁴⁸.

Материализм Горькому был близок именно таким вот пониманием человека, его сути. Но при этом писатель заявлял, что во имя Человека готов даже стать еретиком и по отношению к материализму, ибо замечал, что иные толкователи этого учения стремятся возвести его идеи в абсолют, отчего они становятся античеловечными. Горький-художник, боготворя и славя Человека, считал историю его эволюционного развития, в ходе которой он ценой величайших усилий творит самого себя, свою «вторую природу», сюжетом для самого «величайшего и чудеснейшего художественного произведения»⁴⁹ с кратким и емким заглавием «Человек» — произведения, которое навсегда неповторимо и совершенно.

Но при всем том, и это важно подчеркнуть, Горький судил о Человеке все-таки довольно противоречиво. Не без оснований полагая, «что в человеке осталось очень много зоологического от первой природы, создавшей его животным», он, однако, едва ли не все это зоологическое — во всяком случае, большую часть — приписал человеку деревни (у которого животное чувство будто бы поглощало все остальное) и сделал вывод, что будущее лишь за человеком города. Крестьянин, по его мнению, не может сам побороть в себе животный инстинкт, а это в стране с преимущественно сельским населением наверняка чревато всеобщей бедой. Горький философски обосновывает принципиальную разницу труда рабочего и труда крестьянина — как созидającego, революционного и собирающего, консервативного, что приводит его к крайнему выводу: «Если б крестьянин исчез с его хлебом, горожанин научился бы добывать хлеб в лабораториях»⁵⁰.

Все это вызвало в Воронском решительную отповедь: «Писатель слишком и несправедливо пристрастен к нашему “мужику”. В нашей деревянной Руси много волчьей злобы, ограниченности, много темноты, невежества и суеверия. Но вот в чем дело... крестьянин не только собственник, но и человек угнетенного труда. Одну душу, жадную, собственническую, дикую, Горький видит превосходно, а к другой глух.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 31.

⁵⁰ Там же.

И у него искажаются иногда революционные перспективы и звучит скептицизм»⁵¹.

Горький верил в торжество жизни, но им действительно порой овладевал скептицизм, когда он размышлял о том, сколь сильны «первичные» корни в народной стихии. Воронский, частично разделяя опасения Горького, в конечном итоге считал все же иначе: «...у нас нет пока основания для преждевременного пессимизма»⁵².

Вот этим аспектам философского спора о Человеке и оказался созвучным роман Клычкова. Но, помимо вышеперечисленного, спорящие затронули еще одну проблему, которая разрешалась ими также не без учета «Чертухинского балакиря». Воронский указал Горькому на то, что тот смотрит на природу как на хаос. Горький не согласился со столь категоричным утверждением, однако при этом заметил, что все-таки воспринимает природу не как гармонию, а как сырой материал, который человек должен обрабатывать «в интересах... обогащения ее дарами, — ее энергиями»⁵³. Горький был убежден в правильности именно такого взгляда на природу, неоднократно высказывался об этом в печати, в письмах начинающим писателям. А потому появление «Чертухинского балакиря» (и сходных по духу книг других авторов-«новокрестьян») его и озадачило, и встревожило. Отнюдь не сырым только материалом была природа для Клычкова, а своеобразным культом, главной ценностью и главным совершенством. Реакцией на подобное вполне можно считать следующее суждение Горького (как известно, не признававшего никакого культа, кроме культа человека): «Не должно быть истины, пред коей человек склонял бы голову и преклонял колено»⁵⁴.

Конечно же, неколенопреклоненное отношение к природе для Горького не отождествлялось с потребительством, хищничеством. В природе немало прекрасного, чем можно и нужно восхищаться, признавался он, но немало и такого, что угрожает жизни человека, препятствует ему в развитии способностей. И вот эти препятствия человек и должен преодолеть, должен покорить стихийные силы природы, чтобы обратить их на службу прогрессу. Справедливо подчеркивая это, Горький, однако, — и в этом его историческое заблуждение — не разделял тревоги иных писателей, в частности Клычкова, что покорение природы, особенно при таком его понимании, какое сложилось в официальных кругах, может обернуться ее истреблением, отчего под вопросом окажется

⁵¹ Воронский А. К. Избр. статьи о литературе. С. 46–47.

⁵² Там же. С. 46.

⁵³ Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 63.

⁵⁴ Там же. С. 64.

и само существование человека. Он считал, что в социалистическом государстве подобное невозможно.

Воронский тоже полагал, что хищнического отношения к природе, а отсюда и других пороков — механизации и стандартизации бытия — не может быть при социализме, ибо все это «порождение капиталистических общественных отношений»⁵⁵, однако в «Лунных туманах» попробовал стать, пусть даже и не совсем отчетливо, и на иную точку зрения — автора «Чертухинского балакиря»: «Сетования Сергея Клычкова на то, что человек вскоре уничтожит все живое, имеют свои основания; его протесты против механизации и стандартизации жизни тоже своевременны и от них нельзя легко отмахнуться»⁵⁶.

Наверняка это «отступничество» Воронского Горький также имел в виду, когда писал критику, что тот недостаточно философски «разоблачил» роман Клычкова.

Прозаическое творчество Клычкова было для Горького явлением этапным в современной литературе. И потому порой он, оценивая отдельные произведения других писателей, прибегал к сравнению их с книгами Клычкова. И естественно, брал в расчет прежде всего то, насколько отличны они — сравниваемые — по идейной направленности. По романам Клычкова Горький судил о том, как надо и не надо писать: надо — в смысле художественности, владения языком, не надо — в смысле тенденциозности, политики.

С примерами подобных сравнений мы уже встречались в настоящей работе. Дополним их еще одним — откликом Горького на рассказ Федина «Мужики» (в письме К. А. Федину от 13 ноября 1926 г.): «Мужиков прочитал тотчас же после романа Клычкова “Чертухинский балакирь”. Значительно ваше разноречие с Клычковым, и, конечно, это разноречие — надолго. Как спаять сталь с медью. Город и деревня все более озорно дразнят друг друга»⁵⁷. Из процитированного фрагмента явствует, что для Горького было весьма важно подметить в «Мужиках» данное «разноречие» с «Чертухинским балакирем», свидетельствующее о принципиально разных подходах двух художников слова к одной и той же теме — «Исторические судьбы российской деревни».

Разноречие было действительно значительным, оно проистекло из контрастного понимания авторами жизненного мироустройства крестьянства. Если герои «Чертухинского балакиря» люди по натуре глубоко страдающие, воспринимающие как величайшую трагедию забвение и утрату в настоящем духовных ценностей, созданных многими

⁵⁵ Воронский А. К. Избр. статьи о литературе. С. 224.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Лит. наследство. Т. 70. С. 514.

поколениями крестьян, ценностей по сути общинных, то персонажи фединских «Мужиков» совершенно иные. Это деятельные, энергичные, жизнерадостные поселяне, и мирская община (или просто мир, как зовется она в повести) их не очень-то волнует, а если уж говорить определеннее — не указ она им. К пастуху Прокопу, например, кстати, немало натерпевшемуся от мира и ушедшему в конце концов из него, мир сам приходит на поклон, за помощью: никто во всей округе не мог лучше Прокопа управляться со скотом.

Естественно, мировоззрению Горького более отвечали такие персонажи литературы, как фединский Прокоп, нежели мельник Спиридон да балакирь Петр Кирилыч из романа Клычкова. В суждениях, помыслах, поступках Прокопа он увидел знамение времени, нового времени, когда патриархальна я деревня стала все более и более испытывать влияние города. Благотворное, по Горькому, влияние.

Сюжетно связанным с «Чертухинским балакирем» был и третий роман Клычкова — «Князь мира», в котором, однако, рассказывалось уже об иной эпохе — времени отмены крепостного права. После публикации в журнале «Молодая гвардия» роман вышел отдельным изданием в 1928 г. в издательстве «Федерация». Каких-либо откликов на эту книгу в критическом и эпистолярном наследии Горького нет. Однако известно, что Горький был с ней знаком. В его библиотеке хранится экземпляр романа с его пометками. Они, как и прежде, акцентируют мировоззренческие аспекты автора, его умение пользоваться всем богатством великого русского языка.

Документы сохранили и ряд других свидетельств горьковского восприятия творчества Клычкова. Так, на листе из блокнота (1930–1936) он оставляет пометку следующего содержания: «С. Подъячев, Вольный более кр(естьянские) писатели, чем Клычков, Клюев, Есенин и т.д. этого ряда»⁵⁸. Кроме того, на письме к нему Н. А. Славятинского (1934) делает приписку: «Очень верно», касающуюся высказанного здесь мнения о том, что большая часть «попыток современных писателей опереться на фольклор носила либо реакционный характер (Клюев, Клычков), либо карикатурно-революционный — небезызвестный Петр Орешин»⁵⁹.

Ясно, все это звучит, конечно, отнюдь не комплиментарно. И тем не менее, повторимся, как художника он его ставил достаточно высоко. Показательно в данном случае письмо к Ромену Роллану (от 29 января 1928 г.), который обратился к Горькому за разъяснениями по поводу появления на Западе так называемого «Письма русских писателей»,

⁵⁸ Архив А. М. Горького. Т. 12. С. 249.

⁵⁹ Лит. наследство. Т. 70. С. 373.

где утверждалось, что в России якобы нет литературы. Горький решительно парирует этот выпад и убедительно доказывает, что литература в России есть, и достаточно сильная, с богатым будущим. По его словам, в стране — изобилие писателей, необычайно талантливых, представляющих талантливый народ. И в качестве аргументов называет такие имена, как М. Пришвин, К. Тренев, В. Вересаев, А. Толстой, Б. Пастернак, Н. Тихонов, Н. Асеев и т.д. И в этот авторитетный круг включает и Клычкова, охарактеризовав его как автора «двух интереснейших романов»⁶⁰.

При всей сложности и противоречивости отношения Горького к Клычкову как литератору, он был неизменно доброжелателен и участлив к нему как человеку. И не отказывал в помощи. Сохранилось письмо, где Клычков благодарит его за заступничество в связи с раскулачиванием, ревизией имущества родителей и братьев⁶¹. Было это в 1925 г. К Горькому Клычков обращался и за содействием в облегчении участи сосланного в Нарымский край поэта Н. А. Клюева. Последний был вскоре переведен на жительство в Томск, и есть основания полагать, что и Горький также способствовал этому. Когда же у Клычкова в результате бесчисленных жестоких нападок официальной критики, объявившей его кулацким поэтом, была отнята всякая возможность печатать свои оригинальные произведения, именно Горький нашел для него выход — посоветовал заняться переводами и помогал с публикациями. Известно, что он был знаком с одной из лучших переводческих работ Клычкова — поэмой «Мазур Ваза — победитель», вольной обработкой вогульского (мансийского) эпоса, оцененной Воронским выше бунинской «Песни о Гайавате». Издательство «Academia», где печаталась поэма, направило Горькому один из первых экземпляров.

В целом о литературных связях, взаимоотношениях Горького и Клычкова в 1930-е гг. известно очень мало. А потому в такой ситуации важна любая подробность, любой факт интересен, пусть даже имеющий косвенное отношение к ним, — даже такой, к примеру, о котором сообщает в своих мемуарных записях В. Н. Горбачева, жена С. А. Клычкова, тоже по профессии литератор: «1935 год. После бессонной ночи, проведенной за работой, я только что заснула. Времени — около двух дня. Телефонный звонок.

— Арбачеву Варвару Николаевну⁶².

⁶⁰ Там же. С. 20.

⁶¹ В письме этом, кроме того, Клычков просит у Горького разрешения посвятить ему свои стихи (они прилагались к письму). Какие именно это были стихи — пока не установлено.

⁶² Варвара Арбачева — литературный псевдоним В. Н. Горбачевой.

Сергей Антонович:

— Она спит и не может подойти.

В трубку строго:

— Говорят из секретариата Горького. Необходимо с ней говорить.

Сергей Антонович, тоже строго и надменно:

— И тем не менее, товарищ дорогой, она спит и подойти не может.

Недоуменное молчание. Сергей Антонович кладет трубку»⁶³.

Эпизод, конечно, в информативном смысле малозначителен. Однако черту характера Клычкова, и притом важную, он подчеркивает. И именно независимость. Без подбострастия относился к Горькому Клычков, с достоинством. Уважал, но как равный равному. А это качество и Горький ценил прежде всего в каждом человеке и так же держал себя в общении с другими.

Изучение наследия Клычкова в отечественном литературоведении еще только начинается. Далеко не все архивные материалы изданы, многие еще не найдены. Вовлечение их в научный оборот позволило бы не только ликвидировать белые пятна в творческой биографии самого Клычкова, но и, быть может, пополнить новыми сведениями знания о Горьком.

⁶³ По какому конкретно поводу обращались в данном случае к В. Н. Горбачевой, в воспоминаниях не сообщается. Но можно предположить, что это было связано с вопросами публикации отдельных ее произведений (в частности, романа «Чернышевский», изданного в 1936 г.). Имя В. Н. Горбачевой упоминается в переписке В. Я. Зазубрина с Горьким в связи с подготовкой первого за 1935 г. номера журнала «Колхозник». Зазубрин проинформировал адресата, что планирует напечатать наряду с материалами других авторов (в т. ч. самого Горького), ее очерк «Бездна» — о крестьянских бунтах в годы падения крепостничества (см.: Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 393).